

Ленинская смена. — Алма-Ата. — 1991. — 23 СЕНАБ

У НАС НЕТ НИКАКОГО ВЫХОДА, КРОМЕ БЛИСТАТЕЛЬНОГО

«Свободу» восхищает молодое кино Казахстана

Радио «Свобода» в передаче «Поверх барьеров» передало беседу киноведа Владимира Матусевича с казахским кинорежиссером Ермеком Шинарбаевым. На мой взгляд, интересную. Предлагаю вам сокращенную запись этого разговора.

В. М.: Казахский кинематограф, который на протяжении десятилетий казался незначительным, вдруг стал предметом всеобщего интереса и восхищения. Но мне хотелось бы задать вопрос, к кинематографу прямо не относящийся. Во время недавнего Съезда народных депутатов СССР, да и по целому ряду публикаций, мне представляется, личность Президента Казахстана обрела совершенно неожиданные пропорции и очертания. Президент Казахстана сегодня в Советском Союзе едва ли не единственный политик милостью божьей, политик, который вместо того, чтобы определяться чисто идеологически, занимается делом, мыслит конкретно, мыслит четко, жестко и профессионально. Вопрос мой сводится к следующему: является ли личность вашего Президента симптоматической для того внутриполитического климата, который сегодня царит в республике? И есть ли связь между политической ситуацией в Алма-Ате и расцветом казахского кинематографа?

Е. Ш.: Мне приятно слышать ваше мнение о нашем Президенте, мы и сами рады, что республику возглавляет столь интересный лидер. Но связать напрямую политическую ситуацию с положением в кинематографе нельзя, потому что прямых связей нет. Несомненно, атмосфера

в республике способствует развитию кино. Но это, скорее всего, не политическое явление — «новая волна» в казахском кинематографе.

Я сам очень люблю новые казахские картины, к которым, может быть, имею некоторое отношение. Хотя «новую волну» делают режиссеры, пришедшие чуть позже. Но мне просто поразительно интересно сейчас быть в Алма-Ате. Ситуация изменилась колоссально. Почему это произошло? Дело в том, что у истоков «новой волны» стоял духовный лидер. Очень интересный философ, критик — Мурат Ауэзов. В свое время он оставил все свои дела, пришел на «Казахфильм» и в течение шести лет был художником студии. И то, что взросло, это его посев.

Я помню, когда Ауэзов начал проводить свои художественные советы, мы были просто потрясены. То, о чем он говорил, настолько не совпадало с тем жалким уровнем кинематографа, который у нас был, — интересные, глубокие мысли. И вот тогда он сказал совершенно замечательную фразу: «Положение в казахском кинематографе настолько безнадежно, что у нас нет никакого другого выхода, кроме блистательного...». Это не объяснение, но это та формула, согласна которой, может быть, стоит рассуждать о нашем кино.

Недавно мы смотрели

новую картину, которая только что сделана на студии. Режиссер Ардак Амиркулов, это его первая полнометражная работа. Картина называется «Гибель Отрара». Прекрасный сценарий (А. Германа и С. Кармалиты. — Ред.). Ардак прежде ничего не снимал. Просто ничего. Это очень смелая попытка. Прекрасное изображение. Умная картина, сложная. Трудно понять, как это сделано молодым человеком. Я думаю, что это возрождение... нет, это проснувшаяся казахская нация. И это очень многое определяет.

Я с большим интересом провожу каждый день на студии. Что-то происходит. Кто-то принес сценарий, кто-то фильм сдает, кто-то показывает пробы, кто-то эскизы. Это страшно интересно. Некоторые вещи просто совершенно удивительные. Сейчас мы запустили телевизионную картину совсем молодого автора, ему всего 25 лет. Это Амир Кракулов. Называется «Разлучница». Что это такое, я не знаю. Я прочитал полгода назад сценарий и был просто поражен. Как 25-летний человек смог написать такую сложную и удивительно изящную историю?

В. М.: Я понимаю ваш восторг. Нечто подобное я испытал летом прошлого года, когда увидел картину тоже очень молодого казахского режиссера Серика Апырмова «Конечная остановка». Мне не хватало слов, я был не в состоянии объяснить себе и другим, почему этот фильм настолько незауряден. Как могло случиться, что незрелый, казался бы,

неопытный художник вдруг создает произведение поразительной самобытности?

Е. Ш.: Когда я увидел эту картину, я подумал: «Боже мой, этого просто никогда не было в кино». Эта история, которая происходит в казахском ауле, она и для нас, для казахов, открывает аул, его особенности, глубинные слои казахской психологии. Я не случайно говорю в таком восторженном тоне. Мне просто хочется поделиться этим. Я усиленно зову всех, кого встречаю: приезжайте в Алма-Ату. Смотрите это кино. Потому что это бывает один раз в сто лет.

В. М.: Вы сказали, что расцвет казахского кинематографа объясняется тем, что нация проснулась. Но ведь, по крайней мере в политическом плане, сегодня многие, если не все нации, населяющие Советский Союз, проснулись. Почему же такого взрыва творческой энергии не произошло в соседнем Узбекистане, к примеру?

Е. Ш.: Мы пережили шок в декабре 1986 года. С приходом Назарбаева наступил период качественного спокойствия. Нет политической истерии... Мне кажется, что вот этот период относительной политической стабильности позволяет сейчас обратиться к самому важному в жизни. Рассуждения о смысле жизни — вот чем занимаются сейчас казахские кинематографисты, музыканты, художники.

В. М.: И вы в своем фильме «Месье»?

Е. Ш.: Может быть. Когда мы с писателем Анатолием Кимом задумывали эту картину, мы хотели, чтобы она была обращена к людям. По очень важному вопросу. Есть такие элементарные вещи. Если тебя ударили, то у тебя автоматически сработает внутренний порыв — ударить в ответ. Человек должен отомстить, он должен пролить кровь убийцы. Так человечество развивалось всегда: кровь за кровь,

А сейчас оно обрело такую способность, что может ответить в последний раз. Для того, чтобы человечество осталось жить, оно должно отказаться от каких-то вещей, которые кажутся незбылемыми, святыми.

В. М.: Ермек, мне хотелось бы вернуться к той мысли, которую вы уже высказывали. О предположении о взаимосвязи между расцветом казахского кинематографа и тем ощущением политической стабильности, то, по крайней мере, рациональности, естественности существования в Казахстане, Алма-Ате в последние годы. Это наводит меня на мысль об особой уникальности происходящего в казахском кинематографе.

Посмотрите, говорим ли мы, скажем, о великом социальном - критическом американском кинематографе 30-х годов, говорим ли мы об итальянском неореализме, о новом германском кинематографе конца 60-х годов — во всех этих случаях большое явление в кинематографе возникает в атмосфере политического разлома, социальной нестабильности, духовной, идеологической мятежности. Если верить вашей характеристике атмосферы в Казахстане, то здесь возникает прямо противоположная ситуация.

Е. Ш.: Я, может быть, несколько преувеличил. Я не сказал бы, что положение настолько стабильное. Понимаете, в чем дело. С началом перестройки советское кино очень резко политизировалось. И это привело его к гибели. И надо сказать, что вся «новая казахская волна» отличается настолько напряженным отношением к открытой социальности. «Новая волна», с моей точки зрения, изысканна, достаточно сложна по языку, не очень обращена к широкой публике. Мы практически не ведем разговоров о политике, никто открыто не участвует в политических движениях. Есть этот внутренний иммунитет художника. Если события повернутся в сторону каких-то открытых выступлений, — конечно, прежде всего погибнет кино.

Подготовил к публикации А. КРАТЕНКО.